

А
Андрей Белый

Крещеный китаец

"Никитинские субботники", 1927

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

КАБИНЕТИК

У окон: -

- протертый, профессорский стол с очень выцветшим серозеленым сукном, проседающий кучками книг; здесь пузато уселась большая чернильница; падали: карандаши, карандашники, циркули, транспортиры, резиночки; лампа: зеленый металл прочернился, а абажур - лепестился; валялись листочки и письма с французскими, русскими, шведскими, американскими марками, пачки повесток, разорванных бандеролей, нераспечатанных и неразрезанных книжечек, книжек и книжищ от Ланга, Готье и других; составлялись огромные груды, прозящие частым обвалом, переносимые на пол, под стол и на окна, откуда они поднимались все выше, туша дневной свет и бросая угрюмые сумерки на пол, чтобы отдаться на полки и полочки, или подпрыгнуть на шкаф, очень туго набитый коричневыми переплетками и посыпать густо сеемой пылью обои потертого шоколадного цвета, и - серого папочку; в серой своей разлеталке посиживал он, скрипя стулом и уронивши в сукно вычисляющий нос, - где с надсадой вышептывал он: -

- "Эн, эм, эс!" -

- принимаясь чинить карандашик; отсюда в пыли, в паутине и в листиках рассыпал шепоточки и письма свои Миттах-Лефлеру, Пуанкаре или Клейну {Математики.} и прочим, -

- ожесточаясь и умоляя Дуняшу и маму оставить в покое бумаги:

- "Не путайте, знаете, мне"...

- "Да ведь пыль, барин, - видите"...

- "Нет уж, оставьте: бумажечка каждая, знаете ли, - документ: переложите, - ничего не найдешь"...

Он отсюда вставал; и рассеянно шел коридором, столовой; и попадал он в гостиную; остановившись пред зеркалом, точно не видя себя, он стоял и вычерчивал пальцем по воздуху знаки; случайно увидев себя пред собой, он впивался в себя самого очень зверски, поставив два пальца себе под очки; и не мог оторваться, не мог оторваться от пренелепо построенной головы, полновесной, давящей и плющающей папу (казался квадратным, он) и созерцающей из-под стекол очков глубоко приседавшими, малыыми, очень раскосыми глазками, тупо расставленным носом; он гладил тогда полноещею это лицо полнотелой рукой; повернувшись, старался увидеть свой собственный профиль (а профиль был скифский), крутой, кудробрадый, казавшийся зверским; смешной он такой: -

- да -

- домашний

пиджак укорочен; кончается выше жилета; пиджак широчайше надут; панталоны отянуты; водит плечами, переправляя подтяжки; подтянет, - опустятся, в этом своем пиджаке, как в мешке, может смело вращаться - направо, налево; и кажется косо надетым пиджак; и от этого - что-то раскосое в папочке; он закосил пиджаком; очень часто он сжимал руки; и ногу он ставил на пол тяжелее, чем следует.

Помню, бывало, -

- стоит он таким голованом, засунувши руку в жесткую бороду - пальцами, и приподнявши на лоб жестяные очки, наклонив на-бок лоб со свирепю, лоб перерезавшей складку, точно решаясь на страшное дело; рукой барабанит по двери;

и -

- туловище перевернулось животом как-то наискось от плечей; ноги тоже поставлены косо; такой он тяжелый и грузный от этого перемещения осей; -

- он стоит: -

- тарарахая пальцами в дверь, свирепеет; и - шепчется, шепчется, шепчется; страшно мне, страшно: какое-то есть тут "свое".

- "Ах, да что вы такое" - окликнет его проходящая мама с ключами; идет она в шкаф - за корсажем, малиновым, плюшевым; и - за такою же юбкою.

Папочка тут переменится; высунет голову и поморгает на мамочку робкими глазками, будто накрыли его:

- "Ах, да я-с?"

А